

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Налбандян К.С. Отношения России и Турции на Южном Кавказе: управляемое соперничество как новая модель взаимодействия // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76969 EDN: GWZNGG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76969

Отношения России и Турции на Южном Кавказе: управляемое соперничество как новая модель взаимодействия

Налбандян Карапет Севанович

ORCID: 0009-0001-6628-0653

аспирант; факультет глобальных процессов; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

620141, Россия, Свердловская обл., г. Екатеринбург, Железнодорожный р-н, ул. Бебеля, д. 136, кв. 148

✉ k.s.nalbandyan@proton.me

[Статья из рубрики "Предупреждение и профилактика политических конфликтов"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76969

EDN:

GWZNGG

Дата направления статьи в редакцию:

27-11-2025

Дата публикации:

08-12-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу трансформации российско-турецких отношений на Южном Кавказе в контексте геополитических изменений, вызванных Второй Карабахской войной 2020 года. Предметом исследования выступает формирующаяся модель взаимодействия двух региональных держав, концептуализируемая автором как «управляемое соперничество» или «принудительная нормализация». В рамках данного исследования анализируются четыре ключевых измерения российско-турецкого взаимодействия в регионе: военно-политическое, торгово-экономическое, энергетическое и информационно-идеологическое. Особое внимание уделяется трансформации региональных альянсов – укреплению азербайджано-турецкого

стратегического партнёрства и одновременному ослаблению российско-армянского союза. Исследуются механизмы деконфликtingа, позволяющие России и Турции поддерживать конструктивный диалог при объективном несовпадении стратегических интересов. Кроме того, рассматриваются перспективы реализации транспортных проектов (Зангезурский коридор, Средний коридор) и их влияние на региональный баланс сил, а также конкуренция идеологических нарративов – турецкого неоосманизма и российского евразийского проекта. В исследовании применяется комплексный подход, сочетающий сравнительный анализ внешнеполитических стратегий России и Турции, метод кейс-стади для изучения конкретных проявлений соперничества и сотрудничества, а также элементы системного анализа региональной безопасности. Научная новизна исследования состоит в концептуализации качественно новой модели российско-турецких отношений на Южном Кавказе – «управляемого соперничества», которая выходит за рамки традиционных теоретических подходов, рассматривающих отношения двух держав либо через призму конфронтации, либо стратегического партнёрства. Данная модель фиксирует парадоксальное сочетание конкуренции и прагматичного сотрудничества, при котором обе стороны, признавая объективное несовпадение интересов, выстраивают механизмы координации для предотвращения неконтролируемой эскалации. Автор выявляет структурные характеристики этой модели: формирование неформального разграничения сфер влияния, институционализацию диалоговых механизмов на высшем уровне, развитие параллельных экономических проектов и конкуренцию идеологических нарративов при избегании прямой конфронтации. В совокупности все это представляет собой оригинальный подход к предупреждению возможных конфликтов, неоднократно имевших место на протяжении истории

Ключевые слова:

Россия, Турция, Южный Кавказ, карабахский конфликт, управляемое соперничество, региональная безопасность, неоосманизм, энергетическая дипломатия, Зангезурский коридор, geopolitika

Введение

События на Южном Кавказе в 2020 году, в частности Вторая Карабахская война, ознаменовали серьезную трансформацию регионального порядка и системы межгосударственных отношений. Традиционная модель региональной безопасности, в которой Россия выступала в качестве ключевого медиатора и гаранта статус-кво, уступила место более сложной и многомерной системе, характеризующейся усилением роли Турции как влиятельного регионального актора. Как отмечает де Ваал, вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе в его фазе 2020-2023 гг. существенно изменил геополитический ландшафт Южного Кавказа, создав новую реальность, в которой Турция окончательно закрепилась в качестве полноправного участника региональных процессов, а «геополитическое равновесие в регионе было серьезно разрушено» [\[1, p 3\]](#).

Научная новизна настоящей статьи заключается в концептуализации качественно новой модели российско-турецких отношений на Южном Кавказе, которая определяется как «управляемое соперничество». Данная модель подразумевает вынужденное признание сторонами новых реалий и поиск взаимоприемлемых форматов сосуществования в условиях трансформации регионального баланса сил. Можно констатировать, что

стратегические противоречия между Россией и Турцией на Южном Кавказе не исчезли, но приобрели новую форму конкурентного сотрудничества или «управляемого соперничества», в рамках которого стороны стремятся к предотвращению неконтролируемой эскалации противоречий, и эта модель распространяется на все ключевые сферы взаимодействия двух стран в регионе: военно-политическую, торгово-экономическую, энергетическую, информационно-идеологическую.

В современной литературе отношения между Москвой и Анкарой нередко анализируются через призму ограниченного сотрудничества на фоне фундаментальной конкуренции. Так, М. Бардакчи подчеркивает, что несмотря на развитие экономических связей и прагматическое взаимодействие по отдельным вопросам, geopolитические интересы двух стран в регионе остаются во многом несовместимыми [2, р. 60]. В то же время другие турецкие авторы указывают на возникновение новой модели взаимодействия, основанной на ограниченном сотрудничестве – и ограниченном же соперничестве [3, р. 142]. Схожую позицию можно встретить и в работах российских авторов [4, 5]. Отдельного внимания заслуживает подход, предложенный Н. Силаевым и И. Сафранчуком, которые анализируют динамику российско-турецких отношений через призму теории международного статуса. По мнению авторов, взаимодействие двух держав характеризуется эффектом «статусного симбиоза», при котором «обе страны обеспечивают статусное признание друг друга, достаточно убедительное, по крайней мере, с точки зрения внутренней политики» [28, с. 98]. Данный подход позволяет объяснить парадоксальное сочетание конкуренции и сотрудничества в отношениях Москвы и Анкары, однако, на наш взгляд, недостаточно учитывает специфику региональной динамики на Южном Кавказе, где статусные соображения тесно переплетаются с конкретными геополитическими интересами.

Основной исследовательский вопрос данной работы можно сформулировать следующим образом: каким образом трансформационные процессы, запущенные Второй Карабахской войной, изменили модели российско-турецких отношений на Южном Кавказе?

1. Вторая Карабахская война как катализатор новой геополитической конфигурации в регионе

Вторая Карабахская война (27 сентября - 9 ноября 2020 г.) стала переломным моментом в развитии региональной системы международных отношений на Южном Кавказе. Военный успех Азербайджана, достигнутый при активной политической и военно-технической поддержке Турции, привел к принципиальной перестройке региональных альянсов и существенному изменению баланса сил. Действительно, война не только изменила территориально-политический статус-кво в Нагорном Карабахе, существовавший с начала 1990-х годов, но и привела к фундаментальной трансформации всего комплекса региональных взаимоотношений. Эти процессы наиболее ярко проявились уже осенью 2023 г., когда под военным давлением независимое существование Нагорно-Карабахской республики было прекращено, а подавляющее большинство армянского населения было вынуждено покинуть свои дома под угрозой насилия [6].

Принципиально важно учитывать, что к началу Второй карабахской войны статусные позиции России и Турции в отношении армяно-азербайджанского конфликта были неравными. Как справедливо отмечают Н. Силаев и И. Сафранчук, Россия, наряду с США

и Францией, являлась сопредседателем Минской группы ОБСЕ, тогда как Турция — лишь постоянным членом этой группы наряду с Финляндией, Белоруссией и Швецией [27, с. 96]. Стремление Анкары к уравниванию регионального статуса с Москвой стало одним из ключевых мотивов турецкого вмешательства в конфликт. При этом С. Агамалиев подчеркивает, что идеологические рамки неоосманизма и пантуркизма, активно используемые президентом Р.Т. Эрдоганом, существенно укрепили связи Турции с Азербайджаном на основе общего тюркского наследия и языка [28, с. 245].

Перестройка региональных альянсов в контексте этого конфликта проявилась, прежде всего, в укреплении военно-политических связей между Турцией и Азербайджаном. Как отмечает Г. Юсубова, «военная победа Азербайджана не только способствовала укреплению азербайджано-турецкого партнерства, но и придала ему новое качество, приближая к формату стратегического союза» [7, р. 16]. Подписание Шушинской декларации о союзнических отношениях между Азербайджаном и Турцией 15 июня 2021 г. институционализировало новый уровень двусторонних отношений, создав правовую основу для расширения военно-политического сотрудничества, включая взаимные обязательства в сфере безопасности [8].

Одновременно произошло ослабление российско-армянского союза, что проявилось как в критическом отношении значительной части армянского общества к неспособности России предотвратить военные неудачи Армении, так и в переосмыслении армянским руководством внешнеполитической стратегии. Современные исследователи справедливо подчеркивают: в политическом дискурсе Армении после 2020 г. стал отчетливо наблюдаться сдвиг в сторону диверсификации внешнеполитических связей и снижения односторонней зависимости от России при сохранении формальных союзнических обязательств [9]. Эти тенденции лишь усилились после начала специальной военной операции России на Украине.

Изменение военно-стратегического ландшафта региона характеризуется прежде всего появлением на Южном Кавказе турецкого военного присутствия, хотя и в ограниченном формате. Создание Совместного российско-турецкого центра по контролю за прекращением огня в Агдаме стало первым случаем институционализированного военного присутствия Турции в регионе, который традиционно рассматривался Россией как зона своих исключительных интересов [10]. Размещение турецких военных наблюдателей на территории Азербайджана, пусть и в составе совместной с Россией миссии, стало важным символическим и практическим шагом в направлении легитимации турецкого военного присутствия на Южном Кавказе — региона, который даже в 2000-е гг. еще воспринимался как исключительная зона влияния России. Тем не менее, наличие такого диалогового формата — важная «примета времени», демонстрирующая попытки двух сторон сотрудничать друг с другом даже в условиях объективного несовпадения интересов в отдельно взятом региональном конфликте, не допуская роста напряженности во взаимных отношениях.

При этом произошло существенное сокращение российского военного присутствия в регионе. Если до 2020 г. российские военные базы размещались в Армении и частично признанных Абхазии и Южной Осетии, то размещение российского миротворческого контингента в Нагорном Карабахе лишь частично компенсировало общее ослабление российских позиций. Еще в 2019-м г. исследователи отмечали, что ограниченный мандат и численность российских миротворцев, а также временный характер их присутствия «создают ситуацию стратегической неопределенности, которая может быть использована

Турцией для дальнейшего укрепления своих позиций» [\[11\]](#).

Изменение военно-стратегического ландшафта проявляется также в трансформации подходов к оборонному строительству в странах региона. Успешное применение Азербайджаном турецких беспилотных летательных аппаратов Bayraktar TB2 привело к пересмотру военных доктрин и стратегий закупок вооружений в соседних государствах. В частности, Армения, традиционно ориентированная на российские системы вооружений, начала процесс диверсификации военно-технического сотрудничества, включая развитие связей с западными партнерами и стремление к созданию собственных беспилотных систем [\[12, с. 76\]](#). Зарубежные исследователи подчеркивают: опыт Второй Карабахской войны вызвал серьезные сомнения в эффективности традиционных постсоветских подходов к военному строительству и стимулировал интерес к современным технологиям и нестандартным тактическим решениям [\[13\]](#).

2. Экономические и энергетические проекты как инструменты проекции влияния

Экономическое и энергетическое измерение российско-турецких отношений на Южном Кавказе тоже характеризуется сложным переплетением элементов сотрудничества и конкуренции. С одной стороны, обе страны заинтересованы в развитии региональной торговли и инфраструктуры, что создает потенциал для взаимовыгодного взаимодействия. С другой стороны, как указывают Н. Гаджинская и Э. Гаджинский, экономические проекты часто выступают инструментами geopolитического влияния, что обуславливает конкурентный характер их реализации [\[14, с. 85\]](#).

Сравнительный анализ российских и турецких инвестиционных стратегий в регионе указывает на значительные различия в подходах двух стран. Так, согласно исследованиям европейских авторов, российские инвестиции на Южном Кавказе сконцентрированы преимущественно в традиционных секторах экономики, таких как энергетика, транспорт и телекоммуникации, и часто связаны с деятельностью государственных или окологосударственных компаний («Газпром», «РЖД», «Роснефть», «Яндекс» и др.). В то же время турецкие инвестиции более диверсифицированы и включают значительное количество проектов в сфере легкой промышленности, строительства, розничной торговли и сельского хозяйства, реализуемых преимущественно частным бизнесом [\[15, р. 9\]](#).

Данное различие, на наш взгляд, отражает более широкие особенности внешнеэкономических стратегий двух стран: если российский подход характеризуется фокусом на стратегических секторах, связанных с государственными интересами, то турецкая стратегия предполагает более гибкое сочетание государственных и частных инициатив, создающее комплексную экономическую взаимозависимость с государствами региона. Это различие в итоге проявляется и в восприятии экономического влияния России и Турции местными элитами и обществами: если российское экономическое присутствие часто воспринимается как потенциальная угроза государственному суверенитету, то турецкие инвестиции в Азербайджане и, в меньшей степени, в Грузии, чаще рассматриваются как фактор экономической модернизации и интеграции в глобальные рынки [\[15, р. 10\]](#).

Особую роль в экономической трансформации региона играет перспектива открытия так называемого «Зангезурского коридора», предусмотренного трехсторонним заявлением от 9 ноября 2020 г. [\[16\]](#). Данный транспортный маршрут, который должен соединить

основную территорию Азербайджана с Нахичеванской Автономной Республикой через южные районы Армении, имеет не только экономическое, но и стратегическое значение, поскольку потенциально обеспечивает прямое сухопутное сообщение между Турцией и Азербайджаном, а в перспективе – и с государствами Центральной Азии.

Для Турции реализация данного проекта представляет возможность укрепления своего влияния в тюркоязычном мире и создания альтернативных транспортных маршрутов в обход России. По сути, речь идет о важном шаге в реализации концепции «Среднего коридора», призванной соединить Турцию с Кавказом, Центральной Азией и Китаем [17, с. 88]. Для России же, на наш взгляд, данный проект создает как вызовы (снижение транспортной зависимости центральноазиатских государств от российской инфраструктуры), так и возможности, проявляющиеся в контексте интеграции с собственными транспортными инициативами (в первую очередь с Международным транспортным коридором «Север-Юг»).

Трансформация транспортно-логистических сетей региона затрагивает также энергетические проекты, имеющие критическое значение для региональной геополитики. Успешная реализация проекта Южного газового коридора, обеспечивающего поставки азербайджанского газа в Европу через Турцию, по мнению исследователей, укрепила позиции Анкары как «энергетического хаба» [18, с. 46]. Однако расширение мощностей Трансанатолийского газопровода (ТАНАР) создает потенциал для увеличения объемов транзита каспийских энергоресурсов в обход России, что, несомненно, представляет собой вызов для традиционной российской стратегии контроля энергетических потоков на постсоветском пространстве.

Вместе с тем, энергетическое сотрудничество между Россией и Турцией в рамках проекта «Турецкий поток» создает основу для потенциального взаимодействия в сфере транзита энергоресурсов. В результате, несмотря на конкуренцию в сфере транзита каспийских энергоресурсов, Россия и Турция демонстрируют способность к pragматическому сотрудничеству в реализации двусторонних энергетических проектов, что может стать моделью для более широкого взаимодействия в регионе [19, с. 83].

3. Информационно-идеологическое измерение соперничества

Все более значимым элементом в структуре российско-турецкого взаимодействия на Южном Кавказе становится информационно-идеологическое измерение. Конкуренция нарративов и идентичностей, а также использование инструментов культурной дипломатии и «мягкой силы» превращаются в важные компоненты стратегий региональной гегемонии, реализуемых Москвой и Анкарой.

Рассматривая конкуренцию идеологических нарративов, исследователи часто противопоставляют турецкий неоосманизм и российский евразийский проект как альтернативные модели регионального порядка. Неоосманизм в наиболее общем виде может быть определен как многомерная внешнеполитическая доктрина, предполагающая активное вовлечение Турции в дела регионов, исторически входивших в состав Османской империи, с акцентом на культурную и религиозную общность [20, с. 63].

Как показывает И.М. Щербаков, важной характеристикой данного феномена является его доктринальный статус, не зафиксированный в официальных стратегических документах, но отражающий реальную политическую практику Турецкого государства [30,

[с. 147\].](#) Объектом неоосманского воздействия выступают тюркские народы и страны, расселенные по обширному ареалу Евразийского континента, что неизбежно создает зоны пересечения с российскими интересами – тем более, что эта доктрина «допускает расширительное толкование внешнеполитических задач Турции» [\[31, с. 46\]](#).

На Южном Кавказе данная доктрина проявляется в особых отношениях с Азербайджаном, основанных на концепции «одна нация – два государства», а также в попытках расширить турецкое влияние в Грузии через экономическое и культурное сотрудничество [\[21, с. 96\]](#).

В свою очередь, российский евразийский проект, как указывает Е.З. Датукишвили предполагает сохранение и укрепление особых связей между постсоветскими государствами на основе общего исторического наследия, экономической взаимозависимости и культурной близости. На Южном Кавказе данный проект реализуется через механизмы формальной интеграции (членство Армении в ЕАЭС и ОДКБ) и неформального влияния (значительная роль России в экономике и политике государств региона) [\[22, с. 19\]](#).

Конкуренция идеологических нарративов проявляется на практике в информационной политике двух государств. Социологические исследования демонстрируют, что после 2020 г. на Южном Кавказе наблюдается значительная активизация турецких информационных ресурсов, включая расширение вещания государственных СМИ на языках Южного Кавказа и увеличение присутствия в социальных медиа [\[23, р. 213\]](#). В частности, турецкие государственные СМИ, такие как TRT и Anadolu Agency, существенно расширили свое присутствие в Азербайджане и Грузии, предлагая контент, акцентирующий культурную близость и взаимные выгоды сотрудничества с Турцией [\[24, р. 8\]](#).

Россия, в свою очередь, стремится сохранить свое информационное присутствие в регионе через традиционные медиа (телеканалы, радиовещание) и новые цифровые платформы. Однако, как отмечают М. Волхонский и В. Муханов, эффективность российского информационного влияния ограничивается ростом критических настроений по отношению к России в обществах Южного Кавказа, особенно среди молодежи, а также периодически предлагаемыми инициативами отдельных политических сил по регулированию информационного пространства с целью его защиты от «российского влияния» [\[25, с. 53\]](#).

Действительно, в современном мире мягкая сила и культурная дипломатия становятся важными инструментами в борьбе за региональное лидерство. Турция активно использует образовательные программы, культурные обмены и религиозное сотрудничество для укрепления своих позиций в регионе. Особую роль играет деятельность таких институтов, как Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA), Фонд Юнуса Эмре и Управление по делам религии (Diyanet). Исследователи идеологических основ внешней политики Турции указывают, что турецкие инвестиции в «мягкую силу» на Южном Кавказе характеризуются долгосрочным подходом, целью которого является формирование поколения элит, ориентированных на сотрудничество с Турцией и разделяющих турецкое видение региональной интеграции – что вполне укладывается в логику «неоосманской» сути турецкой внешней политики [\[26, с. 34\]](#).

Российская же стратегия культурной дипломатии в регионе опирается на исторически сложившиеся связи в образовательной и культурной сферах, а также на присутствие

русскоязычных диаспор в государствах Южного Кавказа. Важными инструментами российской «мягкой силы» выступают филиалы российских университетов, программы образовательных обменов, деятельность Россотрудничества и Русского мира. Впрочем, на наш взгляд, эффективность российской культурной дипломатии ограничивается недостаточным финансированием, бюрократическими барьерами и конкуренцией со стороны других внешних акторов – включая Турцию, США, страны Евросоюза, а также Китай с его геоэкономически значимыми проектами глобального масштаба.

4. Новая модель «управляемого соперничества» в отношениях России и Турции на Южном Кавказе

Таким образом, события 2020 г. и последующая трансформация регионального порядка на Южном Кавказе привели к формированию качественно новой модели российско-турецких отношений, которую можно охарактеризовать как «управляемое соперничество», пронизывающее практически все сферы взаимодействия – военно-политическую, торговую-экономическую, энергетическую, информационно-идеологическую. Данная модель предполагает сосуществование элементов конкуренции и сотрудничества при одновременном стремлении сторон к предотвращению неконтролируемой эскалации противоречий, которая могла бы привести к прямой конфронтации.

Механизмы деконфликтинга и предотвращения эскалации, созданные в российско-турецких отношениях, играют критическую роль в поддержании региональной стабильности. Опыт взаимодействия России и Турции в Сирии, где после периода острой конфронтации в 2015-2016 гг. сторонам удалось выработать работающие механизмы координации и разграничения сфер влияния, в определенной степени воспроизводится и на Южном Кавказе в последние три года. Ключевым элементом этих механизмов стал прямой и регулярный диалог на высшем уровне между президентами двух стран, позволяющий оперативно реагировать на возникающие кризисные ситуации и находить компромиссные решения. Важно подчеркнуть, что данный диалог не прекращался (и даже интенсифицировался!) на фоне кризиса отношений между Россией и странами «коллективного Запада» после начала специальной военной операции на Украине.

Модель «управляемого соперничества» характеризуется также стремлением сторон к формированию «красных линий» и взаимному признанию особых интересов в определенных сферах. Именно после 2020 г. наиболее ярко стало прослеживаться давно складывающееся неформальное разграничение сфер влияния, в рамках которого Россия признает особые интересы Турции в отношениях с Азербайджаном, а Турция – особую роль России в отношениях с Арменией. Данное разграничение, однако, не является статичным и может подвергаться пересмотру в зависимости от изменения региональной и глобальной конъюнктуры.

Следует отметить, что ряд исследователей склонен интерпретировать данную модель несколько иначе. Так, Н. Силаев и И. Сафранчук акцентируют внимание на «статусном» измерении российско-турецкого взаимодействия, указывая, что Турция «бросает Российской Федерации вызов даже в тех случаях, когда для этого нет необходимости с точки зрения безопасности» [28, с. 98]. С этой точки зрения, модель «управляемого соперничества» представляет собой не столько осознанный выбор обеих сторон, сколько вынужденный компромисс, обусловленный невозможностью для Турции добиться полного паритета с Россией в региональном масштабе. Вместе с тем, на наш взгляд, именно

способность обеих держав к прагматичной координации при сохранении конкурентных отношений и отличает южнокавказскую модель от потенциально более конфликтных сценариев.

Особый интерес представляет влияние модели «управляемого соперничества» на безопасность государств региона. С одной стороны, российско-турецкое взаимодействие по деэскалации конфликтов способствует снижению рисков возобновления широкомасштабных военных действий. С другой стороны, как указывают некоторые европейские исследователи, фактическое превращение Южного Кавказа в зону «российско-турецкого кондоминиума» ограничивает возможности государств региона по проведению суверенной внешней политики и может препятствовать развитию инклузивных механизмов региональной безопасности с участием всех заинтересованных сторон [27, р. 104].

На наш взгляд, имеется и риск того, что модель «управляемого соперничества» может оказаться недостаточно устойчивой в условиях усиливающейся глобальной конкуренции и внутренних трансформаций в России и Турции. Российско-турецкое взаимодействие на Южном Кавказе развивается в более широком контексте отношений двух стран, включающем сотрудничество в энергетической сфере, торговле и туризме, а также конкуренцию в Сирии, Ливии, Черноморском регионе и других точках потенциальной напряженности. Следует признать, что ухудшение отношений в других регионах или сферах взаимодействия действительно может негативно повлиять на способность сторон поддерживать конструктивный диалог по южнокавказской проблематике.

Заключение

Трансформация региональной архитектуры на Южном Кавказе после Второй Карабахской войны привела к становлению качественно новой модели российско-турецких отношений, которую правомерно концептуализировать как «управляемое соперничество». Данная модель характеризуется парадоксальным сочетанием конкуренции и прагматичного сотрудничества во всех ключевых сферах взаимодействия: военно-политической, экономической, энергетической и информационно-идеологической. В отличие от традиционных теоретических подходов, рассматривающих российско-турецкие отношения либо через призму конфронтации, либо стратегического партнерства, модель «управляемого соперничества» отражает сложную динамику, при которой обе державы, признавая объективное несовпадение стратегических интересов, одновременно выстраивают механизмы деконфликtinga и координации для предотвращения неконтролируемой эскалации противоречий.

Предложенная концепция позволяет выявить структурные характеристики новой модели взаимодействия, включающие: 1) формирование неформального разграничения сфер влияния при одновременном взаимном признании легитимности интересов друг друга; 2) институционализацию механизмов диалога и кризисного менеджмента на высшем политическом уровне; 3) развитие параллельных, но не взаимоисключающих экономических и инфраструктурных проектов; 4) конкуренцию идеологических нарративов при избегании прямой конфронтации в информационном пространстве. Данный аналитический подход позволяет не только более точно прогнозировать динамику российско-турецких отношений на Южном Кавказе, но и предлагает универсальную теоретическую рамку для понимания современных форм конкурентного сосуществования региональных держав в условиях трансформации глобального

миропорядка.

Библиография

1. de Waal T. Europe's Longest-Running Conflict Can't Be Ignored [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/82813> (дата обращения: 14.02.2025).
2. Bardakçı M. Is a Strategic Partnership Between Turkey and Russia Feasible at the Expense of Turkey's Relations with the EU and NATO? // Comparative Southeast European Studies. 2021. № 4 (69).
3. Zengin A.K., Topsakal İ. The Intersection of Grand Strategies in Turkey-Russia Relations // Insight Turkey. 2021. № 4 (23). С. 148.
4. Ибрагимов А.Г. Турция и Россия: взаимодействие вопреки столкновению интересов // Постсоветские исследования. 2018. № 1.
5. Авактов В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в черноморском регионе // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 3. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363 EDN: FDHWE0.
6. Действия руководства Азербайджана в отношении населения Нагорного Карабаха следует квалифицировать как геноцид-мнение экспертов [Электронный ресурс]. URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=89545 (дата обращения: 15.02.2025).
7. Yusibova G. The First Steps towards Strategic Alliance in Azerbaijani-Turkish Relations before the Second Karabakh War // Public Administration and Regional Development. 2024. № 23. DOI: 10.34132/pard2024.23.08 EDN: UFUTEF.
8. Şuşa Beyannamesi. 15 Haziran 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://haberglobal.com.tr/dunya/turkiye-ve-azerbaycan-arasinda-susa-beyannamesi-imzalandi-iste-beyannamenin-tam-metni-115805> (дата обращения: 15.02.2025).
9. Атасунцев А. Смена гаранта. Куда движутся отношения Армении и России [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2023/10/long-standing-ties-between-armenia-and-russia-are-fraying-fast-lang=ru> (дата обращения: 25.02.2025).
10. Миротворцы Карабаха: как Турция возвращается на Кавказ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/mirotvorcy-karabaha-kak-turciya-vozvrashaetsya-na-kavkaz-4395474> (дата обращения: 15.02.2025).
11. Because of unclear mandate and limited number of Russian peacekeepers, relative peace is threatened [Электронный ресурс]. URL: <https://news.am/eng/news/714757.html> (дата обращения: 14.02.2025).
12. Атабай Э.И. Военные взаимоотношения России и Армении в рамках ОДКБ в контексте безопасности на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2022. № 3. EDN: BVEDW G.
13. Pilibossian A., Nersisyan L. Leaving the "Post-Soviet" Behind: Redefining Armenia's Deterrence Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/leaving-post-soviet-behind-redefining-armenias-deterrence-strategy> (дата обращения: 25.02.2025).
14. Гаджинская Н., Гаджинский Э. Дж. Геополитика в регионе Южного Кавказа на современном этапе и новая конфигурация политических сил // Современная научная мысль. 2021. № 4. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-4-174-177 EDN: YAHRHY.
15. Labarre F., Niculescu G. Discussing a South Caucasus Short of Russian Dominance. Study Group Information. Vienna, 2023.
16. Трехстороннее Заявление о прекращении огня в Нагорном Карабахе от 9 ноября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 25.02.2025).

17. Агаев И. Г. Интересы региональных и мировых держав в открытии Зангезурского коридора // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. № 6-1.
18. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Коридоры турецкого влияния: евроазиатский путь Анкары // Геоэкономика энергетики. 2022. № 3. DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_6 EDN: WMKIYL.
19. Маркелова Э.А. Международный газовый хаб в Турции как новый проект российско-турецкого сотрудничества: возможности и риски // Экономика, предпринимательство и право. 2022. № 12. DOI: 10.18334/epp.12.12.116902 EDN: MTHVSF.
20. Мехдиев Э.Т. "Неоосманизм" в региональной политики Турции // Вестник МГИМО. 2016. № 2 (47).
21. Мачавариани Г. Г. Характер и особенности грузино-турецких отношений на современном этапе // Архонт. 2017. № 2. EDN: ZXOGDD.
22. Датукишвили Е.З. Политические технологии формирования государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере России, Азербайджана и Грузии). Дисс. канд. полит. наук. М., 2021. EDN: MZWQOS.
23. Neset S. et al. Changing Geopolitics of the South Caucasus after the Second Karabakh War. Prospect for Regional Cooperation and/or Rivalry // CMI Report. 2023. № 4.
24. Elitaş T. Maintaining International Relations Through Digital Public Diplomacy Policies and Discourses. Istanbul, 2023.
25. Волхонский М., Муханов В. Российская "мягкая сила" на Южном Кавказе: концептуальная неопределенность и вопросы практического применения // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 5 (66).
26. Vardanian D. Turkey's Soft Power in the South Caucasus: An Assessment of Neo-Ottomanism Influence on Regional and Global Geopolitics // CMC Senior Theses. 2022. № 3146.
27. Secrieru S., Saari S., Bechev D. Fire and Ice: The Russian-Turkish partnership // Chaillot Paper. 2021. № 168.
28. Силаев Н., Сафранчук И. Симбиоз и соперничество: динамика российско-турецких отношений в перспективе теории международного статуса // Международные процессы. 2023. Т. 21. № 3 (74).
29. Агамалиев С.М. Роль неоосманизма и его особенности в контексте Второй Карабахской войны // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 3. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-3-236-248 EDN: SNRHCF.
30. Щербаков И.М. Российское неоевразийство и турецкий неоосманизм в отечественном политическом дискурсе: теория и практика // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 3 (29).
31. Щербаков И.М. Влияние традиций неоосманизма на современное состояние российско-турецких отношений: теория и практика // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. Т. 1. № 4. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Автор представленной к рецензированию рукописи обращается к исследованию современных отношений России и Турции в регионе Южного Кавказа, уделяя особое внимание специфике новой модели двустороннего взаимодействия, сложившейся после

«Второй Карабахской войны» 2020 года. Поскольку российско-турецкие отношения во многом определяют динамику региональных процессов в Закавказье, а также оказывают заметное влияние на ближневосточную политику, актуальность темы представляется очевидной. Хотя, в общем и целом, текст рукописи оставляет благоприятное впечатление, можно выделить ряд моментов, требующих внесения корректив и пояснений. Так, предложенная автором характеристика научной новизны исследования предполагает «концептуализацию объяснительной модели российско-турецких отношений на Южном Кавказе, которая определяется как «принудительная нормализация». Однако, в ходе дальнейшего повествования автор пишет в основном о модели «управляемого соперничества», упомянутой также и в названии статьи. Поскольку «принудительная нормализация» и «управляемое соперничество» вряд ли могут рассматриваться как взаимозаменяемые понятия, автору следует прояснить этот момент. Кроме того, автор указывает на то, что ряд турецких авторов констатируют формирование модели «управляемого соперничества» в отношениях России и Турции. Если так, то остается неясным – в чем новизна рецензируемой статьи, если в ней идет речь об уже описанной другими авторами модели? Далее, вместо одного исследовательского вопроса автор статьи зачем-то предлагает два – 1) влияние процессов, запущенных Второй Карабахской войной, на модель российско-турецких отношений и 2) перспективы формирования устойчивых механизмов сотрудничества России и Турции в новых геополитических реалиях. На мой взгляд, лучше оставить один (а именно – первый) вариант исследовательского вопроса, поскольку именно он в основном рассматривается в тексте. Можно также порекомендовать автору изложить методологию предпринятого исследования, поскольку в текущей версии рукописи об этом не сказано ни слова. Библиографический список имеет смысл расширить за счет таких публикаций как – 1) Силаев Н., Сафранчук И. Симбиоз и соперничество: динамика российско-турецких отношений в перспективе теории международного статуса // Международные процессы. 2023. № 3; 2) Агамалиев С. Роль неоосманизма и его особенности в контексте Второй Карабахской войны // Проблемы постсоветского пространства. 2024. № 3; 3) Щербаков И. Влияние традиций неоосманизма на современное состояние российско-турецких отношений: теория и практика // Вестник Московского Университета. Серия 12: Политические науки. 2023. № 4; 4) Щербаков И. Российское неоевразийство и турецкий неоосманизм в отечественном политическом дискурсе: теория и практика // Гражданин. Власть. Выборы. 2023. № 3. Привлечение перечисленных работ повысит фундированность предпринятого автором исследования, а также позволит усилить апелляцию к оппонентам, которая в текущей версии статьи ограничивается лишь несколькими ссылками в самом начале статьи. В заключительной части рукописи автор кратко описывает сущность модели «управляемого соперничества», а также характеризует ее объяснительный потенциал. Вместе с тем, в заключении отсутствуют конкретные выводы, касающиеся современных российско-турецких отношений, хотя именно это позволило бы показать значимость достигнутых автором исследовательских результатов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Автор представленной к рецензированию рукописи обращается к исследованию современных отношений России и Турции в регионе Южного Кавказа, уделяя особое внимание специфике новой модели двустороннего взаимодействия, сложившейся после «Второй Карабахской войны» 2020 года. Поскольку российско-турецкие отношения во многом определяют динамику региональных процессов в Закавказье, а также оказывают заметное влияние на ближневосточную политику, актуальность темы представляется очевидной. Исследуя динамику современных российско-турецких отношений, автор опирается на модель «управляемого соперничества», предполагающую, что Москва и Анкара осознают риски эскалации напряженности и предпринимают шаги, направленные на предотвращение неконтролируемой деградации двусторонних отношений. Апеллируя к оппонентам, автор подчеркивает, что существующие исследования по данной тематике акцентируют такие особенности российско-турецких отношений как «ограниченное сотрудничество» и «ограниченное соперничество», недооценивая сознательное стремление двух стран нивелировать риски дестабилизации Южного Кавказа в результате различных региональных кризисов и инцидентов. Предлагаемый автором подход восполняет данный пробел и иллюстрирует объяснительный потенциал модели «ограниченного соперничества» на примере «Второй карабахской войны», а также взаимодействия Москвы и Анкары в различных сферах. В целом, можно признать, что предлагаемый автором подход придает определенную научную новизну полученным исследовательским результатам. Библиографический список представляется достаточно полным, насчитывая более тридцати позиций, в том числе работы отечественных и зарубежных исследователей, а также ряд первоисточников. В то же время, можно порекомендовать автору внести ряд корректив, которые помогут улучшить качество рукописи. Так, во введении логичнее было бы сначала сформулировать исследовательский вопрос (например, так - «каким образом запущенные Второй Карабахской войной процессы повлияли на российско-турецкие отношения?») и лишь затем - обосновать предлагаемую автором модель «управляемого соперничества», применение которой должно помочь дать ответ на исследовательский вопрос. Далее, упоминание аргументов Н. Силаева и И. Сафранчука (о статусных соображениях России и Турции) в двух разных разделах статьи выглядит непоследовательным. Логичнее рассмотреть позицию данных авторов в рамках апелляции к оппонентам (во введении). Я бы также скорректировал аргументацию автора в той части, где речь идет о том, что «Вторая карабахская война и последующие события привели к формированию качественно новой модели российско-турецких отношений, которую можно охарактеризовать как «управляемое соперничество». «Модель» — это умозрительная конструкция, созданная исследователями для объяснения тех или иных аспектов эмпирической реальности. Поэтому акцент лучше сделать на том, что модель «управляемого соперничества» лучше объясняет современные российско-турецкие отношения, чем модели «ограниченного сотрудничества» и «ограниченного соперничества». Тем не менее, указанные недочеты могут быть без труда устранены автором, после чего статьи может быть рекомендована к публикации.